

Е. Сахарова

Александр Александрович Блок

Блок в молодости был очень хорош собой, это отмечали все, встречавшие его в те годы. «...Красивый, стройный юноша, со светлыми вьющимися волосами, с большими мечтательными глазами и с печатью благородства во всех движениях» — таким остался он в памяти А. Менделеевой, матери его будущей жены. По словам приятеля поэта В. Пяста, в каждом движении Блока были видны «смелость, благородство и вместе мягкость — рыцарство», сам же он, «стройный, как Аполлон», вызывал «мысль о Боге». Почти все, знавшие его, отмечали необычность, романтичность его облика. «Он был похож на германских поэтов — собирательное из Гете и Шиллера», — замечает актриса В. Веригина. У друга поэта В. Зоргенфрея Блок вызывал другую ассоциацию: «В сочетании прекрасного лица со статною фигурой, облаченной в будничные наряд современности — темный пиджачный костюм с черным бантом под стоячим воротником, — что-то говорящее о нерусском севере, может быть — о холодной и таинственной Скандинавии».

Благородство и красота были присущи Блоку и в последующие годы. «Нравится мне его строгое лицо и голова флорентинца эпохи Возрождения» — этими словами закончил свои воспоминания о поэте Горький. Ахматовой, назвавшей Блока в «Поэме без героя» «трагическим тенором эпохи», запомнился его «античный локон над ухом».

Блок принадлежал к семье, хранящей высокие традиции русского образованного дворянства. Его дед, Андрей Николаевич Бекетов, «отец русской ботаники», был ректором Петербургского университета. Бабушка, Елизавета Григорьевна Бекетова, широко образованная женщина, занималась переводами. Ее мать, жена известного путешественника и исследователя Средней Азии А. Карелина была дружна с женой друга Пушкина А. Дельвига, встречалась с А. Керн. Именно ей, гостившей у Бекетовых в «ректорском доме», довелось принять на руки своего правнука, будущего поэта, родившегося 16 (28) ноября 1880. «Один из последних отсветов пушкинской эпохи блеснул над колыбелью Александра Блока», — писал исследователь жизни и творчества Блока В. Орлов, видя в этом символическое явление. «От дедов, — пишет Блок в «Автобиографии», — унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении их дочери — моя мать и ее две сестры. Все три переводили с иностранных языков». «Прекрасная семья. Гостеприимство стародворянское, думы — светлые, чувства — простые и строгие» — так характеризовал Блок семью, в которой вырос. О ее значении в жизни поэта свидетельствует даже тот факт, что в «Автобиографии» о своих родных Блок говорит больше, чем о себе.

В эту бекетовскую атмосферу высокой и светлой духовности плохо вписывался отец поэта, Александр Львович Блок. Образованный юрист, интересный собеседник, красавец собой, он, однако, был наделен диким, жестким характером, мятежными порывами и нравственными падениями. Блок писал об отце: «Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна», «во всем душевном и физическом облике» его было «что-то судорожное и страшное», а мятежные порывы духовного потомка Байрона оказались скованы «усталым холодом болезни».

Поэт мало знал своего отца, редко видел его; сохранилась, однако, их переписка; портрет А.Л. Блока поэт дал в поэме «Возмездие», где описал также свою поездку в Варшаву, на похороны отца, профессора Варшавского университета.

В семье матери, где рос поэт, по его словам, «любили и понимали слово». «Сочинять» поэт «стал чуть ли не с пяти лет». Своим первым вдохновителем Блок назвал В.А. Жуковского. Поэтическое чувство мальчика питали семья, книги, пейзажи подмосковного Шахматова.

В 1891–1898 поэт учился в Введенской гимназии в Петербурге, затем поступил на юридический факультет Петербургского университета. Почувствовав неудовлетворение выбором, перешел в 1901 на филологический факультет, окончив его в 1906 по славяно-русскому отделению.

За этими скупыми биографическими данными скрыта напряженная духовная, творческая жизнь молодого поэта. «Серьезное писание началось, когда мне было около 18 лет», – вспоминал он. 1897 год оказался ознаменованным важным событием. Весной, сдав гимназические экзамены, Блок с матерью и тетей М. Бекетовой поехал за границу, в Германию на курорт Бад Наугейм, где ему суждено было встретиться с красивой молодой женщиной Ксенией Михайловной Садовской. Несмотря на разницу лет (Садовская была ровесницей матери Блока) начинается роман, который можно было бы считать банальным, если бы он не одарил русскую поэзию шедеврами любовной лирики. Уже это первое сильное увлечение Блока выявило характерный для него разлад между идеалом возвышенной любви и его земным воплощением. Только через несколько лет, когда Блок вновь оказался в Бад Наугейме, прошлое воскресло во всем его значении:

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Деревя едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

(«В тихий вечер мы встречались...», 1910)

В одном из стихотворений цикла «Через двенадцать лет», посвященного Садовской, есть строки:

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

(«Все, что память сберечь мне старается...», 1910)

Поэт и его первая любовь расстались навсегда, в названных стихах он обращается к тени, полагая, что его былой возлюбленной уже нет на земле. Но К.М.С. была жива и судьба ее сложилась трудно и горестно. Не интересуясь поэзией, ничего не зная о славе мальчика-гимназиста, когда-то влюбленного в нее, она в 1919 нищая, почти потерявшая рассудок, оказалась в больнице, где врач, поклонник Блока, обратил внимание на сходство первых букв ее имени, отчества и фамилии с адресатом лирического цикла поэта, — и она впервые узнала о посвященных ей бессмертных стихах. Удивительно следующее: потеряв все, она сохранила письма влюбленного в нее мальчика. Пачка писем была перевязана крест-накрест алой лентой.

Летом 1898 произошло событие, имевшее огромное значение для всей дальнейшей жизни Блока — по приглашению жены ученого Д.И. Менделеева, друга его деда, Блок приехал в соседнее с Шахматовым имение Боблово и встретился с семнадцатилетней Любой Менделеевой, которая позже вспоминала: «Меж листьев сирени мелькает белый конь, которого уводят на конюшню, да невидимо внизу звенят по каменному полу террасы быстрые, твердые, решительные шаги. Сердце бьется тяжело и глухо. Предчувствие? Или что? Но эти удары сердца я слышу и сейчас, и слышу звонкий шаг входящего в мою жизнь». Сказать, что Блок увлекся Любовью Дмитриевной, влюбился

в нее — значит ничего не сказать. Это было озарение, нечто таинственное, мистическое. Все, что окружало поэта, оказывается связанным с ней, той, кого он называл «светлой», «лучезарной», «непостижимой», «таинственной». Только о ней он теперь может думать и писать — изо дня в день — шесть лет (1898–1904), посвятив одной теме, одной женщине 687 стихотворений. Случай небывалый! Отобрав из них то, что ему казалось наиболее значительным, Блок выпустил свою первую книгу «Стихи о Прекрасной Даме». По словам К. Чуковского, если внимательно вчитаться в книгу, то видишь, что «это подлинная повесть о том, как один подросток столь восторженно влюбился в соседку, что создал из нее Лучезарную Деву и весь ее окружающий пейзаж преобразил в неземные селения. Это было то самое, что сделал Данте с дочерью соседа Партинаруи». В. Брюсов справедливо заметил, что вся книга проникнута жаждою в земном увидеть неземное: «Все, что совершается, для поэта получает значение иносказания...»

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.

Сугубо личное переживание переплавляется во вселенское, в мистерию, являя собой сопряжение с идеалистической утопией Владимира Соловьева об ожидании и грядущем схождении на землю Вечной Женственности.

В 1903 Блок обвенчался с Любовью Менделеевой в церкви села Тараканова, вблизи Шахматова, — и прекратился лирический дневник, обращенный к Прекрасной Даме. В поэтический мир Блока входят новые темы, новые образы. Изменяется пейзаж — вместо горных высот и лучезарных горизонтов — болотная вязь или город с его страшными язвами. Если раньше для поэта существовали лишь его личные переживания и его Небесная Дева, то теперь он видит рядом с собой людей, замученных нуждой, затерянных в лабиринте каменного города.

Поэт откликается на общественные события; вехой в его духовном развитии стала революция 1905. «Старое рушится... Какое важное время!» — пишет Блок одному из друзей. Он был свидетелем кровавого воскресенья и откликнулся на него:

Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.
Кто-то крикнул: — Будь прославлен!
Кто-то шепчет: — Не забудь!

Рядом пал, всплеснув руками,

И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...
.....

Ведь никто не встретит старость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...

Одно за другим появляются стихотворения, в которых поэт выражает сочувствие угнетенным и осуждает «сытых». Впервые в лирике Блока встает вопрос об Интеллигенции и народе, об интеллигенции и революции (стихотворения 1903–1906 — «Фабрика», «Сытые», «Митинг», «Барка жизни встала...», «Ангел-Хранитель», «Деве-Революции» и др.).

Друзья Блока — поэты А. Белый, С. Соловьев осуждали его за «измену идеалам «соловьевцев», за отказ от утопической веры в преображение жизни Красотой, за уход от мистики. Их негодование вызывают стихи Блока, где он прощается со своим прошлым. В стихотворении «Поэт» (1905) о Прекрасной Даме Блок говорит уже с иронией — «Она не ездит на пароходе» и поэтому не явится никогда. Вместо нее появляется Незнакомка, но не в лазурных далях, а в загородном ресторане, где только один пьяный поэт видит ее цветущие на дальнем берегу синие бездонные очи.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

(«Незнакомка», 1906)

Блока по праву можно назвать человеком театра. «Мое любимое занятие — театр», — признавался поэт в 1897. Он являлся душой и руководителем домашних спектаклей в Боблове, играя Самозванца (в «Борисе Годунове» Пушкина), Чацкого, Гамлета. Офелией была Любовь Дмитриевна Менделеева — с тех пор тема Гамлета стала одной из значительных в его лирике. Блок не стал актером, хотя и серьезно думал об этом. Но на протяжении всего творческого пути он отдавал дань театру; написал ряд драматических произведений, публиковал рецензии на постановки, был близок актерской среде. Три героини его лирических циклов — Л. Менделеева, Н. Волохова и Л. Дельмас — были актрисами. В 1906 поэт создал пьесы «Балаганчик», «Король на площади» и «Незнакомка». В предисловии к их изданию Блок писал: «Три маленьких драмы, предлагаемые вниманию читателя, суть драмы лирические, то есть такие, в которых переживания отдельной души, сомнения, страсти, неудачи, падения — только представлены в драматической форме». «Карикатурно неудачный Пьеро в “Балаганчике”, нравственно слабый Поэт в “Короле на площади”, и другой Поэт в “Незнакомке” — все это как бы разные стороны души одного человека; так же одинаковы стремления этих трех: все они ищут жизни прекрасной, свободной и светлой, которая одна может свалить с их слабых плеч непосильное бремя лирических сомнений и противоречий...» Из всех пьес счастливую сценическую судьбу имел лишь «Балаганчик», поставленный В. Мейерхольдом в Театре В. Комиссаржевской. Режиссер нашел интересные, яркие формы для передачи основной идеи Блока — его прощания с мистикой. Позже, в 1914, Мейерхольд в своей студии в Петербурге поставил «Балаганчик» и «Незнакомку». «Песня Судьбы» (1908) и «Роза и Крест» (1912), основанная на французских легендах XIII в., отданные в Московский Художественный театр, не увидели сцены.

Для стихов Блока характерны тревожные, страстные ритмы. Бунтарско-богемные настроения пронизывают книгу стихов «Снежная маска» (1907) и цикл «Фаина» (1906–1908). Их героиня — актриса Театра В. Комиссаржевской Наталья Николаевна Волохова, которую в стихах поэт окружил ярким романтическим ореолом. Он видит в ней и падучую звезду, и комету со звездным шлейфом, находит в ней черты «раскольничьей богородицы» и т. д. Мотивы «Снежной маски» — страсть, отчаяние, гибель, запечатленные в образах метели, погони, органично связаны с обликом Петербурга:

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невою
Она встречала с легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

.....

И город мой железно-серый,
 Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
 С какой-то непонятной верой
 Она, как царство, приняла.

Она узнала зыбь и дымы,
 Огни и мраки, и дома —
 Весь город мой непостижимый —
 Непостижимая сама.

(«Снежная Дева», 1907)

Один из самых прекрасных лирических циклов посвятил Блок певице Любове Александровне Дельмас и назвал его «Кармен». М. Бекетова, тетка поэта, вспоминает, как осенью 1913 поэт увидел певицу Дельмас в роли Кармен и «был сразу охвачен стихийным обаянием ее исполнения и соответствием всего ее облика с типом обольстительной и неукротимой испанской цыганки».

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
 Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
 Сквозь бездну дней пустых, где бремя не избудешь.
 Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
 К созвездиям иным, не ведая орбит,
 И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
 Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
 Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
 Мелодией одной звучат печаль и радость...
 Но я люблю тебя: я сам такой, Кармен.

(«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь», 1914)

В лирику Блока живой струей навсегда вошла Россия, предстающая в его стихах то женой, то подругой, то девушкой «разбойной красы». Его манит ее цветной, узорный рукав, машущий ему на дороге, она видится ему с «узорным платом до бровей».

О, Русь моя! Жена моя! До боли
 Нам ясен долгий путь!
 Наш путь — стрелой татарской древней воли
 Пронзил нам грудь.
 Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
 В твоей тоске, о Русь!

И даже мглы — ночной и зарубежной —
 Я не боюсь.
 И вечный бой! Покой нам только снится
 Сквозь кровь и пыль...
 Летит, летит степная кобылица
 И мнет ковыль...

(«На поле Куликовом», 1908)

Как лирический всплеск, как глубокий вздох звучит финал стихотворения «Осенний день» (1909):

О, нищая моя страна,
 Что ты для сердца значишь?
 О, бедная моя жена,
 О чем ты горько плачешь?

Мир, окружающий поэта, становится необычайно широким. Это — просторы России, где гуляет ветер, где далеко за горизонт ведет вдаль, в неизвестность дорога. Поэт

не находит места в тихом доме, он выходит на простор, в неизвестность, разрывая старые связи:

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!
 Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
 Уюта нет. Покоя — нет.

(«Земное сердце стынет вновь...», 1911)

Во многом автобиографична драма Блока 1908 «Песня Судьбы» (эпиграф к ней взят из Гоголя — «Русь! Чего же ты хочешь от меня?»). Ее герой Герман оставляет тихий, белый дом, жену и мать — и идет к людям, туда, куда позвал его ветер. Жизнь — прошлая и настоящая — открывается перед ним («Все, что было, все, что будет, — обступило меня: точно эти дни я живу жизнью всех времен, живу муками моей родины. Помню страшный день Куликовской битвы», — говорит Герман).

В ряде стихотворений поэта открывается страшный мир современного города, куда он спустился с лазурных романтических высот:

Мы встретились с тобою в храме
 И жили в радостном саду,
 Но вот зловонными дворами
 Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
 И в каждом видели окне,
 Как тяжело лежит работа
 На каждой согнутой спине.

(«Холодный день», 1906)

Блок пишет стихи, представляющие собой сюжетные сцены о судьбах людей, загубленных, замученных, задавленных обстоятельствами, суровой действительностью («Повесть», 1905; «На железной дороге», 1910 и др.).

Все углубляется в творчестве поэта разрыв между мечтой и действительностью, все более тесным кольцом окружает его безысходная унылая проза жизни:

Ночь, улица, фонарь, аптека,
 Бессмысленный и тусклый свет.
 Живи еще хоть четверть века —
 Все будет так. Исхода нет.

(«Ночь, улица, фонарь, аптека...», 1912)

Это стихотворение входит в цикл под характерным названием «Страшный мир». Поэта не покидает предчувствие надвигающейся катастрофы, ощущение неминуемой гибели старого мира. Одной из главных тем в лирике Блока делается тема возмездия — возмездия обществу, которое сковало, заморозило, поработило человека, и возмездия самому человеку, не сумевшему достойно прожить жизнь, изменившему своему высокому назначению. «Возмездием» назвал Блок цикл стихов, куда вошло и известное стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе...». «Возмездием» названа и поэма, над которой поэт работал с 1910 по 1921 — до самой смерти. «Гневным», «упругим» ямбом (так определил размер сам Блок) написана поэма. Необычайно выразительно в чеканных строфах передана в ней как бы сама поступь истории:

Век девятнадцатый, железный,
 Воистину жестокий век!
 Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек!

 Век буржуазного богатства
 (Растущего незримо зла!)
 Под знаком равенства и братства
 Здесь зрели темные дела...

.....
 Двадцатый век... еще бездомней,
 Еще страшнее жизни мгла
 (Еще чернее и огромней
 Тень Люциферова крыла).

И черная земная кровь
 Сулит нам, раздувая вены,
 Все разрушая рубежи,
 Неслыханные перемены,
 Невиданные мятежи.

В эту историческую панораму органично входит рассказ о семье самого поэта, живущей «в старинном доме над Невой», где «старина еще дышала и жить по-новому мешала».

Поэт связывает воедино судьбу России и судьбу отдельной личности, создавая величественную эпическую панораму, оставшуюся, к сожалению, неоконченной. Поэт поставил перед собой задачу — не поддаваясь соблазнам, понять ход истории, предсказать будущее. В Прологе речь идет о роли и назначении поэта:

Но ты, художник, твердо веруй
 В начала и концы. Ты знай,
 Где стерегут нас ад и рай.
 Тебе дано бесстрашной мерой

 Измерить все, что видишь ты.
 Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
 Сотри случайные черты —
 И ты увидишь: мир прекрасен.

Тема возмездия лежит и в основе поэмы «Соловьиный сад» (1915). Герой поэмы, укрывшись в соловьином саду от тягот жизни, слышит рокот житейского моря и не находит покоя. А когда он сбрасывает опьяняющую силу соловьиного пения, покидает сказочный сад, повинувшись зову жизни и возвращаясь назад, — его место оказывается занятым.

Ожидание очистительной бури, сметающей старый, ненавистный поэту мир, определило его отношение к революции: поэт приветствовал ее. Откликом на события 1917 явилась поэма «Двенадцать». Сохранилась «Записка» Блока о поэме: «В январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 и в марте 1914 [Блок говорит о циклах «Снежная маска» и «Кармен»]. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было написано в согласии со стихией (...). Поэтому те, кто видит в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой — будь они враги или друзья моей поэмы». Блок был прав — и друзья, и враги видели в «Двенадцати» политический акт — и либо резко осуждали поэта, упрекали его в измене себе самому (Мережковский, Гиппиус, Бунин), либо приветствовали его поэму (Белый, Есенин, Городецкий). Их всех смущал (или возмущал) образ Христа, появляющегося в конце поэмы. Интересна трактовка М. Волошина — может быть, самая глубокая среди оценок, данных современниками Блока. В статье «Поэзия и революция» (1919) Волошин писал: «Поэма “Двенадцать” является одним из прекрасных художественных претворений революционной действительности. Не изменяя ни самому себе, ни своим приемам, ни рифмам, Блок написал глубоко реальную и — что удивительно — лирически объективную вещь. Этот Блок, уступивший свой голос большевикам-красногвардейцам, остается подлинным Блоком “Прекрасной Дамы” и “Снежной Маски”, сумевшим “из нарочито пошлых звуков создать утонченно благородную симфонию ритмов”». Что же касается фигуры Христа, то Волошин полагал, что Христос не ведет

красногвардейцев, а преследуется ими, носителями «заблудшей души русской Разинщины», потерявшей Христа.

Следующие за «Двенадцатью» последние годы жизни поэта были драматичны.

Кровью сердца он купил свое понимание революции как сжигающей стихии, разом испепеляющей старый мир. Но началась кровопролитная и братоубийственная гражданская война. На смену революционному пожару пришли мелкие заботы повседневности, вылезло столь ненавистное поэту мурло обывателя. На рубеже последнего года своей жизни Блок выглядел бесконечно усталым, надломленным. И в этот период прибежищем для его духа, опорой явился Пушкин. 13 февраля 1921 Блок выступил на торжественном собрании, посвященном 84-й годовщине со дня смерти Пушкина, с речью «О назначении поэта» и написал стихотворение «Пушкинскому Дому». И в речи, и в стихотворении Блок говорил о необходимости свободы для поэта:

Пушкин! *Тайную* свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе.

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

.....
Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

И «уходя в ночную тьму», Блок утверждал: роль поэта — «не легкая и не веселая; она трагическая». Поэту необходимы «покой и воля». «Но покой и волю тоже отнимают... <...> Не ребячью волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл».